

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)''10/17''+055.52-055.2+173

DOI 10.26456/vthistory/2026.3.005

К исторической антропологии русского материнства: истоки нравственных традиций женского социального служения

Н.Л. Пушкарева

ФГБУН «Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», г. Москва (Россия)

Отсутствие в современном гуманитарном знании информации о том, как сформировалось традиционное для русской культуры представление о материнстве как о социальном долге, обязательстве, заставило автора статьи восполнить этот пробел. На основе анализа секвенций хрестоматийных текстов древнерусской литературы сделан вывод о том, что тема нравственности материнства императивна для русской идентичности. В ценностных характеристиках русского материнства на первом месте была забота без условий, заступничество, не требующее заслуг. В русской традиции нет истории материнских наказаний, зато есть тема готовности матери терпеть, принимая муки. Материнское в русской культуре превалирует над эротическим, как общественно-важное над индивидуальным. Как ни в одной европейской культуре, в русской материнство приравнено к социальному служению и ассоциировано с готовностью выполнять его, являя равную любовь ко всем детям.

Ключевые слова: история женщин, материнство в России, антропология материнства, аксиосфера женского, история русской этики, женская повседневность.

Для современного человека материнство – это рождение себе подобных и взаимодействие с рожденными, т. е., помимо самого акта рождения, это состояние, которое включает в себя педагогику как систему передачи другому поколению статуса, имущества, прав, обязанностей и межпоколенческую трансляцию отношений и смыслов¹. Материнство для аналитика – это сплетённость социально-психологических, медико-гигиенических аспектов, подходов социальной работы и одновременно констелляция самых

¹ Статья подготовлена в рамках Программы НИР ИЭА РАН «Гендерные исследования городской и сельской повседневности: историко-антропологическая перспектива. 2024–2026.

устойчивых из этнокультурных и этноконфессиональных стереотипов, базовая социальная практика, социальные институты которой принадлежат к корневым механизмам воспроизводства культуры.

Концепции материнства всё время остаются в центре живых дискуссий в российском обществе. Их множит сама жизнь. Споры возникают как в связи с нерешённостью старых, можно сказать традиционных, социальных проблем (например, о праве самой женщины решать вопрос о сохранении беременности), так и в связи с появлением проблем новых (например, связанных с суррогатным материнством или разрешением на усыновление/удочерение одиноким людям, не состоящим в браке).

«Материнская тема» в российской историографии «бытописательства». Утверждение о том, что десятилетиями (если не веками!) материнство рассматривалось прежде всего как биологический или, по крайней мере, биологически предопределяемый феномен, в известной степени трюистично. В российской историографии XVIII – начала XX в. о материнстве у разных народов писали уже участники первых академических экспедиций конца XVIII в. (П.С. Паллас, И.П. Фальк, И.И. Лепехин), рассказывавшие о «семейственном» быте, об обрядах и ритуалах, связанных со свадебными благопожеланиями многочадия². В XIX в. Русское географическое общество активно содействовало научному собиранию этнографических описаний быта и нравов разных народов, населявших Российскую империю; при нем работали видные фольклористы И.И. Срезневский и В.И. Даль, собравшие огромный фольклорный материал, отразивший взгляды народа на материнскую любовь и ее отсутствие, на основы материнской педагогики³. Во второй половине XIX в. учёные-демократы А.П. Шапов и Г.Н. Потанин, интересовавшиеся «семейственными обычаями» у русских, по-разному оценивали их. А.П. Шапов (а вслед за ним и этнограф Н.А. Костров, и историк-публицист С.С. Шашков) склонен был считать отдаленные земли России заповедником «семейно-родового эгоизма», порождающего деспотизм и низкий уровень нравственной жизни людей вообще и матерей в частности, резко критиковал «грубость их инстинктов»⁴. Г.Н. Потанин думал иначе, считая, что «сохранение старины в обычаях и нравах» есть фактор положительный, и искал рациональные основания строгости народных семейных

² Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788; Записки путешественника академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб., 1824; Записки путешественника академика Лепехина // Там же. Т. 5. СПб., 1822.

³ Срезневский И.И. Роженицы у славян и других языческих народов // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачевым. Книги второй, половина первая. М., 1855. С. 97–122.

⁴ Шапов А.П. Историко-этнографическая организация русского народонаселения // Русское слово. 1865. № 3. С. 1–38; Костров Н.А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876; Шашков С.С. История русской женщины // Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. СПб., 1898. С. 697–757.

нравов в отношении матери и материнства⁵. Тема нравственных основ семейного быта была затронута в конце XIX в. в труде Д.Н. Жбанкова «Бабыя сторона», содержащем описание образа жизни крестьянок Костромской губернии в конце XIX в. Приведённые в конце его книги документы личного происхождения (письма крестьянок) и фольклорные тексты позволили наметить необычный срез исследования темы – восприятие самими матерями-крестьянками своего статуса, своих прав и обязанностей⁶. В известном смысле их дополнили выразительные материалы судебных дел в книге Ф. Покровского⁷; он был первым, кто обратил внимание на особенность русских семейных нравов, издревле характеризующихся обязательностью беспрекословного подчинения взрослых сыновей матерям. Эта тема присутствовала и в исследованиях этнографов, публиковавших статьи в журнале «Живая старина», но общей чертой всех тогдашних описаний была их далёкость от проблем взаимосвязи нравственных устоев и эмоциональной жизни женщин, имеющих детей, а также внутрисемейных отношений родителей и их чад⁸.

В этнографической литературе советского времени «материнская тема» (как и этнография родительства) получила освещение ещё меньшее, нежели в литературе дореволюционной. Изучавшие семейный быт исследователи в большей степени интересовались структурой семейно-родовых связей, численностью семей, зависимостью между составом семьи и степенью хозяйственного освоения регионов, нежели трудноуловимыми аспектами частной жизни наших предков, их духовным и эмоциональным миром. На многие десятилетия эта тема была задвинута в отечественных гуманитарных науках и лишь в 1990-е гг. появились фундаментальные работы, посвященные анализу концепций материнского воспитания и ухода за детьми в различных европейских культурах⁹, но на современном материале. Благодаря психологам был сделан вывод о том, что «социализирующий потенциал русской семьи определяется функционированием разветвлённой сети взаимо-

⁵ См. подроб.: *Зверев В.А.* Дети – отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 1993.

⁶ *Жбанков Д.Н.* Бабыя сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома, 1891.

⁷ *Покровский Ф.* О семейном положении крестьянской женщины в одной из местностей Костромской губернии по данным волостного суда // *Живая старина*. 1896. Вып. 3–4. С. 457–476.

⁸ *Афиногенов А.О.* Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности. Медико-статистическое исследование. СПб., 1903.; *Смирнова М.* Родильные и крестильные обряды крестьян // *Этнографическое обозрение* (далее – ЭО). 1911. № 1–2. С. 252–253; *Харузина В.Н.* Несколько слов о родильных и крестильных обрядах и об уходе за детьми // ЭО. 1906. № 1. С. 1–79; *Кузнецов Я.О.* Родители и дети по народным пословицам и поговоркам. СПб., 1911.

⁹ *Анерт Л., Майшнер Т., Шмидт А., Доскин В.А.* Кросс-культурное исследование взаимодействия с детьми русских и немецких матерей // *Вопросы психологии*. 1994. № 5. С. 20–30.

действия, в центре которой является мать», о «морально-эмоциональном характере» русских воспитательных концепций¹⁰. Никто из авторов не касался темы истоков нравственных традиций русских матерей; абсолютное большинство их были типичными биологическими детерминистами. Все они считали, что женщины самой природой созданы для вынашивания, рождения и вскармливания, а следовательно, и воспитания, пока младенец не станет ребенком (см.: *Пушкарева Н.Л.* Статус женщины в Древней Руси и в России Нового времени: Обзор современных исследований // *Русь между Востоком и Западом. Культура и общество X–XVII вв.* М, 1991. С. 222–242). На этой основополагающей идее были выстроены концепции и античных философов, и средневековых дидактиков, и учёных и общественных деятелей Нового и Новейшего времени.

Антропологический поворот в историографии и модернистские теории. В конце XX в. очевидное, казалось бы, было подвергнуто сомнению. Сомнение исходило со стороны *социального детерминизма* и особенно *социального конструктивизма* – концепций, нашедших многочисленных приверженцев в 60-е и последующие годы XX в. сначала в Европе и США, а затем и в СССР и России. Социальные конструктивисты, к которым ранее других направлений присоединились и сторонницы женской истории, решительно отвергли биологический детерминизм, поставив на первое, приоритетное место детерминизм социальный, сойдясь на том, что не биология, а господствующие ценности и нормы определяют в любом обществе, любой эпохе поведение матери. Социальные детерминисты поставили задачу изучить то, как *конструируется* материнство (а вместе с ним и материнская любовь), т. е. как именно складываются наши представления, связанные с материнством, всё то, что мы вкладываем в содержание этого понятия (см.: *Пушкарева Н.Л.* Материнство в новейших философских и социологических концепциях // *Этнографическое обозрение.* 1999. № 5. С. 47–59).

Историки женщин развернули эту задачу, призвав изучить старые контрфорсы (самые древние балки) этой конструкции, чтобы понять истоки социального конструирования феномена, подобно тому, как археологи изучают особенности строительства домов, служивших местом жительства много веков тому назад. И речь в этих призывах была не о поиске транс-сторической составляющей (хотя многие учёные, не считающие себя социальными конструктивистами, полагают, что, несмотря на всю культурную и историческую обусловленность, такая составляющая существует, поскольку в истории материнства есть нечто постоянное, связанное с женской физиологией и гормональным фоном). Речь шла об изучении возможно большего числа *вариаций* общественного конструирования содержания материнства в разные исторические эпохи.

¹⁰ *Мартынова Э.И.* Материнство и духовный мир женщины // *Социальные трансформации и положение женщин в России.* Иваново, 1995. С. 143–148.

Каковы были эти вариации в России? Что для неё безусловно характерно и определяет (словами поэта Е. Боратынского) её «лица необщее выражение»? Для исследователя-гуманитария в этом случае важно (чтобы не потеряться в возникающем океане проблем) постоянно иметь в виду материнство как *этическую ценность*, как некую константу в системе ценностных ориентиров этносов, населяющих Россию, и прежде всего русских. Целью данного исследования является как раз выявление устойчивых паттернов русского материнства как этической ценности.

Этические истоки понимания материнства как социального служения в древнерусской литературе. Лексема «матерство» – одна из наиболее ранних, упомянутых словарем древнерусского языка (термин «матерство» превратился в «материнство» не ранее XVII в.). Слово это встречается и в древнейшем письменном памятнике русских – Изборнике Святослава 1076 г., и в Минях-Четьях 1097 г.¹¹ «Обычаи матерства» – словосочетание, постоянно присутствующее в учительной литературе и подразумевающее обычай почета, почетное положение женщины, родившей детей. От века к веку, с самых первых лет письменной культуры Древнерусского государства складывались таким образом *нравственные традиции русских, конструирующие материнство как этическую ценность*. О них и пойдёт речь...

Древнерусская философская концепция женственности в значительной мере была выстроена на противопоставлении, отличиях материнства от отцовства¹². Всякий раз, когда автору необходим был *символ заботливого отношения* правителя к подданным или настоятеля монастыря к монахам, именно образ материнского отношения к объекту заботы был к его услугам¹³. Даниил Заточник – древнерусский книжник, современник Юрия Долгорукого – призывал идеального правителя глядеть на подданного, «как мать на младенца»¹⁴.

Безусловной нравственной традицией русских с крещением Руси была также *приверженность православию*. При том что утвердилась новая религия не сразу, всё же со времен «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона 1050 г. аллегорическим изображением крещения русов был именно материнский символ – молоко; Илларион, говоря о Крещении, именовавшее оное «*млеко благодати*»¹⁵.

¹¹ Словарь русского языка XI–XVII в. Вып. 9. М., 1982. С. 43.

¹² Рябов О.В. Русская философия женственности. Иваново, 1999. С. 27–28.

¹³ Повесть временных лет / подгот. текста Д.С. Лихачева; пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. чл.-кор. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 377; ср.: Повесть о Петре и Февронии Муромских // Памятники литературы Древней Руси. Т. VI. М., 1984. С. 643.

¹⁴ Моление Даниила Заточника // Памятники литературы Древней Руси. Т. II (XII век). М., 1982. С. 389, 393.

¹⁵ Слово о законе и благодати // Памятники литературы Древней Руси. Т. II. С. 600.

Материнская любовь «заступницы и молебницы» за всех людей выступала в православном учительстве как неизменное и постоянное, как «божественный покров, заступление и спасение»¹⁶. Материнское качество заступничества сформировалось, вобрав в себя языческий субстрат – образ матери сырой земли. Тема материнского заступничества – и в русских былинах, и в массе писанных текстов раннего времени: от «Слова о полку Игореве» до «Задонщины» – это абсолютная константа.

Осознание особой мистической связи матери-родительницы Русской земли и Богородицы – этическая ценность, просуществовавшая у русских века. Мать сыра земля и много веков спустя воспринималась как воплощение высших сил. Они могли спасти в случае болезни чада, если связи с матерью сырой землей не были нарушены. В письменные источники эта сторона русской культуры не попала, но была исключительно живучей – по наблюдениям фольклористов, до середины 1960-х гг. в обетных и пронимальных ритуалах спасения младенца (возвращения его из мира мертвых в мир живых через символическую передачу, проницание через окно или иное отверстие) старшие подсказывали матери, как действовать, что говорить. Такой патронаж позволял женщинам осознать, что ответственность за жизнь младенца лежит не только на матери, что она находится в компетенции Родительницы Бога и Матери сырой земли. Заложена она и в чаяниях верующих сегодняшнего дня, в их просьбах заступиться, понять их заботы, в том числе и в травмирующих социальных правилах современных родильных отделений¹⁷. В стародавних апокрифах (например, «Хождении Богородицы по мукам», X в.) противопоставление отцовской безжалостности материнскому заступничеству было явлено однозначно и очевидно: пока Всевышний наказывает, ибо всем «должно воздаться по злобе их», Богоматерь не только не наказывает, но, напротив, сама готова принимать муки, одна за всех¹⁸.

Необычайно символично и то, что в русской традиции – в отличие от западноевропейской (подробнее см.: Пушкарева Н.Л. Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях (1945–1990). СПб., 1997) – образ Родительницы Бога ассоциирован именно с выполнением материнского долга. *Материнство как главный женский долг – часть ценностного мира у русских*. Культ женственности у русского этноса ни в средневековье, ни позже не включал сакрализации поклонения девической красоте¹⁹. Среди канонизированных лиц женского пола (до XVIII в.) лишь одна девственница –

¹⁶ Максим Грек Молитва ко Пресвятой Богородице // Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. 3. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1911. Ч.1. С. 278.

¹⁷ Материнство в советской деревне: Ритуалы, дискурсы, практики: в 2 т. Т. 1: Исследование / Сост. Л.В. Голубева, С.О. Куприянова; статья, коммент., подг. текстов Л.В. Голубевой, С.О. Куприяновой; под общ. ред. С.Б. Адоньевой. СПб., 2022. С. 228; Плеханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 74.

¹⁸ Хождение Богородицы по мукам // Памятники литературы Древней Руси. Т. XII. М., 1994. С. 289–290.

¹⁹ Fedotov G.P. The Russian Religious Mind. V. 1. Kievan Christianity, the 10th to the 13th c. Cambridge, 1966. P. 20.

княжна Евфросинья Полоцкая²⁰. Мария в стародавних (да и более поздних) текстах – это не Госпожа, а именно *БогоРодица*, Родительница Бога, исполнившая обет высшим силам – выносившая дитя и тем выполнившая долг. Этот нюанс очень важен для понимания значимости материнства у русских и нашей нравственной системы.

На Западе культ Марии сливался с эротическим подтекстом культа служения Прекрасной Даме. На Руси же отношение к эротике было довольно равнодушным, женщина-мать не могла восприниматься как эротический объект (что очевидно и в изображениях, и в текстах). *Материнское* в русской культуре *превалирует над эротическим* и выдвинуто намного вперед всех других характеристик женственности, будучи заявленным как объект поклонения (см: *Пушкарева Н.Л.* Сексуальная этика в частной жизни древних русов и москвитов X–XVII вв. // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 51–103): «для единой потреби мужу жена сотворена бысть – детородства ради» (Пчела XV в.)²¹.

Материнская черта отношения к близким выведена летописцем как обязательный поведенческий паттерн, характерный для выдающихся древнерусских князей Владимира Мономаха и Дмитрия Донского. Оба призывали своих потомков следовать принципу равной любви ко всем подданным – а это материнский принцип, *принцип равного расположения к любым детям*, в то время как принцип отцовской любви – это «любовь по заслугам», «по справедливости»²².

Примечательно и важно для российской нравственной системы и то, что в ранних древнерусских текстах не было установки на желательность рождения мальчиков; рождение дочери – будущей матери – почиталось не меньше, именовалось удачей, радостью, «честью дому»²³. Отсутствие же детей считалось в русской народной культуре величайшим несчастьем, «сугубой бранью», сущим кошмаром. Идеалом супружества была, как и во всех традиционных культурах, *многодетность*. Это была нравственная, этическая норма, и женщина в этой системе нравственных координат должна была быть готовой рожать не единожды. Наказанием за желание ограничить число детей были штрафы за самый «помысел» исключить частое рождение чад²⁴, не го-

²⁰ Рябов О.В. Указ. соч. С. 27–28, Barker A.M. The Mother Syndrome in the Russian Folk Imagination. Columbus (OH), 1986. P. 48; Hubbs J. Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington (Indiana), 1988. P. 100.

²¹ МДРПД. I (7). Ст. К-72. С. 6; XI. Ст. 3. С. 64; П-1. Ст. 76. С. 16.

²² Рябова Т.Б. Материнская и отцовская любовь в русской средневековой традиции // Женщина в российском обществе. 1996. № 1. С. 30.

²³ Пчела XV в. // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. п. 1. № 44. Л. 188 об.

²⁴ Требник XV в. // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. п. 1. № 61. Л. 92 об. – 93 об.

вора уже о вытравлении ребенка с помощью зелий и об оперативных вмешательствах²⁵. Это сами женщины, уставшие от частых родов, могли сформулировать присловье «кабы вы детушки, часто сеялись, да реже всходили!», а установкой все же была готовность к частым родам.

С учётом многодетности и требования равного отношения ко всем рождённым наследникам и наследницам, православная этика формировала установку на *безусловное уважение* всеми детьми их матери. «Не забывай матерня труда, еже о чадах печаль и болезнь. Можеша о ней поболети, яко же она о тебе, тем же страхом раболепным послужи ей...»²⁶ Даже когда чада вырастали и могли претендовать на право самостоятельно определять свою модель поведения, уважение к матери не могло быть поставлено под сомнение; отделение и отдаление от матери нормой никто не считал. Напротив, своеобразием русской традиционной культуры и этики было *уважение (вплоть до подчинения) любому слову матери в любом возрасте*. В основе этой установки особенности эволюции семьи у славян (сохранение многопоколенности вплоть до нынешнего XXI в.). Матриархальный символизм русской культуры отражен и в нашей инвективной лексике. (Инвективы характеризуют русскую культуру как культуру с высоким статусом родственных отношений по материнской линии, ибо только в таких культурах большую роль играют оскорбления матери. Упоминание женских гениталий и отправление ругаемого в зону рождающих органов, символика жеста «кукиш», изображающего женский детородный орган, намеки на то, что «собака спала с твоей матерью», ругательства со значением «я обладал твоей матерью» (в инверсии о распутстве самой матери) – все эти признаки характеризуют особую табуированность именно разговоров о матери и попутно характеризуют значимость «матриархального символизма»²⁷). Такой символизм есть прямой антоним и антагонист безмерного уважения, свидетельство особого внимания ко всему материнскому в русской национальной культуре.

Русская история содержит многочисленные примеры если не подчинения сыновей матерям, то сверхуважительного отношения. Взрослые сыновья в русских летописных текстах постоянно спрашивают совета у матерей и следуют материнскому наставлению (Иван III – Мария Ярославна, Михаил Романов – Ксения Юрьевна Шестова), в русской истории примеры зависимости детей от материнского самовластья стали хрестоматийными (как в случае с императрицей Екатериной II и сыном, которого она не допускала к престолу, Павлом Петровичем). Этической нормой в системе русских тра-

²⁵ Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Раздел II // Записки Московского императорского археологического института. Т. XVIII. М., 1912. С. 97.

²⁶ «Не раздражай матери свое, чадо. Лета свои с кротостью провожай...» (Российский государственный архив древних актов. Ф. 381. № 355. Л. 182–182 об.).

²⁷ Isacenko A.V. Un juron russe du XVIe siecle // Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparski. Helsinki, 1964. P. 68–70.

диционных ценностей было признание не просто долговременного, но *вечного главенства матери*. В отличие от западноевропейской юридической ситуации, при которой женщинам разрешалось опекунов лишь с позволения мужчин-родственников по линии умершего супруга, на Руси и в России вдовы матери часто осуществляли сами опекунские полномочия и распоряжались судьбами детей, какого бы возраста те ни были. Экономические рычаги были в женских руках, изъятие их (типа указа Петра Великого о единонаследии, по сути о майорате 1714 г.) действовало недолго (уже в 1732 г. Анна Иоанновна отменила майорат).

Такие взаимоотношения между матерями и взрослыми детьми часто исключали раздоры и очень спланировали родовые кланы, цементировали их, хотя и могли вести к распылению собственности. Осознанию родового единства способствовала и традиция именовать детей и внуков именами дедов и бабушек²⁸, пережившая не одно столетие и сохранившаяся вплоть до текущего времени. Обязанностью матери было *воспитание детей в понимании значимости родственной дружбы* и семейной взаимопомощи, умения мириться и прощать друг друга.

Элементом русской нравственной традиции, сформированным еще в допетровские столетия (до начала XVIII в.), но ставшим ясно выраженным тогда, когда появилось женское литературное письмо, стало понимание (трудно выразимое на словах, но понимаемое сердцем) *обязанности рожать и воспитывать*. Это понимание в наибольшей степени по сравнению с иными эмоциональными мотивами заставляло девушек относиться к замужеству как к самому значительному, переломному жизненному рубежу²⁹. Приоритет духовного над материальным, вера в то, что мир не без добрых людей и необходимо быть добрыми к миру, нравственные идеалы, воспитанные матерями, – вот темы, которые появились в женских документах личного происхождения в XVIII в. и сохранялись в образованном сословии полтора века.

Осмысляя перечисленные выше сугубо русские этические паттерны, можно определить русское материнство как продуктивную любовь, основанную на духовно-нравственных усилиях. Тема нравственности материнства императивна для русской идентичности, нежелание иметь детей, напротив, означалось как безнравственное, а подготовка к материнству составляла содержание девичьего воспитания. Не просто замужество, но именно рождение дитяти заявлялось как главный переломный женский жизненный этап; бездетность выставлялась как наказание за несправедную жизнь.

На первом месте в ценностных характеристиках русского материнства стояла забота без оговоренных условий. Материнское отношение в русской

²⁸ Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1–2. СПб., 1891.

²⁹ Российский этнографический музей. Ф. 7. Оп. 1. Д. 48 (Муромский у.). Л. 16–16 об.; Д. 68 (Шуйский у.). Л. 1.

традиции – это заступничество, не требующее заслуг, невзирающее на контекст и обстоятельства. Нет в русской традиции подробной «истории материнских наказаний», зато присутствует тема готовности матери принимать муки, страдать, терпеть. Как ни в одной другой европейской культуре, в русской материнство приравнялось к женскому долгу. Оно было ассоциировано с готовностью осознавать его как обязанность выполнять эту женскую работу (рожать и воспитывать), являя равную любовь ко всем детям и не обнаруживая преимущественной любви ни к кому, включая дочерей.

Нравственной традицией была и многодетность, как во всех обществах до первого демографического перехода; на многодетность был общественный и экономический запрос, уклонение от выполнения этого запроса было наказуемо, а выполнение поощряемо. «Вечность» главенства матери – характерная черта русской культуры, равно как требование уважения к ее материнскому труду на протяжении всей жизни, подготовка к готовности «кормить ю, егда она оухудеет умом в старости» – характерная отличительная черта «русскости». Всё это индоктринировалось настолько успешно, что в русской культуре даже взрослые дети не только женского, но и мужского пола оставались в материнской «воле», подчинялись материнскому слову (убежденные в том, что материнская обида «искоренит», т. е. лишит собственного потомства). Сохранению семейной памяти по сей день служит традиция именовать детей именами предков (которая в других европейских культурах сохранилась поверхностно).

Многовековая русская культура держится превалированием материнского над эротическим – как общественно-важного над индивидуальным. Материнство в отечественной культуре есть *общественное* служение в противовес рациональному, но именно индивидуальному выбору в культуре европейской.

Список литературы:

1. Анерт Л., Майшнер Т., Шмидт А., Доскин В.А. Кросс-культурное исследование взаимодействия с детьми русских и немецких матерей // Вопросы психологии. 1994. N 5. С. 20–30.
2. Зверев В.А. Дети - отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX - начале XX в. Новосибирск: Наука, 1993
3. Мартынова Э.И. Материнство и духовный мир женщины // Социальные трансформации и положение женщин в России. Иваново: Ивановский государственный университет, 1995. С. 143 - 148
4. Плеханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. С. 74.
5. Рябов О. В. Русская философия женственности. Иваново: «Юнона», 1999. С.27-28.
6. Рябов О. В. Русская философия женственности. Иваново: Ивановский государственный университет, 1999.
7. Рябова Т.Б. Материнская и отцовская любовь в русской средневековой традиции // Женщина в российском обществе. 1996. N 1. С. 30

8. Смирнова М. Родильные и крестильные обряды крестьян // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 1911. N 1-2. С. 252-253;
9. Barker A.M. The Mother Syndrome in the Russian Folk Imagination. Columbus (OH): Slavica Publishers, 1986.
10. Fedotov G.P. The Russian Religious Mind. V. 1. Kievan Christianity, the 10th to the 13th c. Cambridge: Harvard University Press, 1966.
11. Hubbs J. Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington (Indiana): Indianapolis Indiana univ. press, 1988.
12. Isacenko A.V. Un juron russe du XVIe siecle // Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V.Kiparski. Helsinki: Published by n.p., 1964. P. 68-70.

Об авторе:

ПУШКАРЕВА Наталья Львовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра гендерных исследований, ФГБУН Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН (119334, Москва, Ленинский проспект, 32 а). email – pushkarev@mail.ru

To the Historical Anthropology of Russian Motherhood: Origins of Moral Traditions Women's Social Service

N.L. Pushkareva

The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, *Moscow, Russia*

The article concludes that there is no general information in modern humanitarian knowledge about how the traditional Russian culture idea of motherhood as a social service was formed. To fill this gap, a scrupulous analysis of the sequences of textbook texts of ancient Russian literature was carried out. It is concluded that the theme of the morality of motherhood is imperative for Russian identity; ideas about motherhood as a public service as opposed to rational individual choice in European culture have been brought up in the public consciousness for centuries. In the value characteristics of Russian motherhood, care without conditions, intercession that does not require merit, came first. In the Russian tradition there is no history of maternal punishment, but there is a theme of the mother's willingness to accept torment and endure. The maternal in Russian culture prevails over the erotic, as socially important over the individual. Like no other European culture, in Russian motherhood is equated with a social duty and is associated with a willingness to fulfill it, showing equal love for all children.

Keywords: *history of women, motherhood in Russia, anthropology of motherhood, axiosphere of the feminine, history of Russian ethics, women's everyday life.*

About the author:

PUSHKAREVA Natalia Lvovna – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, and Director of the Center for Gender Studies, the N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119334). Email – pushkarev@mail.ru

References:

- Ahnert L., Maishner T., Schmidt A., Doskin V.A. *Cross-cultural study of interaction with children of Russian and German mothers* // Questions of psychology. 1994. N 5. P. 20 - 30
- Barker A.M. *The Mother Syndrome in the Russian Folk Imagination*. Columbus (OH): Slavica Publishers, 1986.
- Fedotov G.P. *The Russian Religious Mind*. V. 1. Kievan Christianity, the 10th to the 13th c. Cambridge: Harvard University Press, 1966.
- Hubbs J. *Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture*. Bloomington (Indiana): Indianapolis Indiana univ. Press, 1988.
- Isacenko A.V. *Un juron russe du XVIe siècle* // Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparski. Helsinki: Published by n.p., 1964. P.68-70
- Martynova E.I. *Motherhood and the spiritual world of a woman* // *Social transformations and the position of women in Russia*. Ivanovo: Ivanovo State University, 1995. pp. 143 - 148
- Plyukhanova M.B. *Subjects and symbols of the Moscow kingdom*. St. Petersburg: Acropolis, 1995.
- Pokrovsky F. *On the marital status of a peasant woman in one of the localities of the Kostroma province according to the data of the volost court* // Living Antiquity. 1896. Issue. 3-4. pp. 457-476.
- Ryabov O.V. *Russian philosophy of femininity*. Ivanovo: Ivanovo State University, 1999.
- Ryabova T.B. *Maternal and paternal love in the Russian medieval tradition* // Woman in Russian society. 1996. N 1. P. 30
- Zverev V.A. *Children are substitutes for fathers. Reproduction of the rural population of Siberia in the second half of the 19th - early 20th centuries*. Novosibirsk: Nauka, 1993.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.